

СТАРАЯ ФОТОГРАФИЯ

Давно собирался написать про этот поистине исторический объект на территории улицы Станиславского.

Побудительным мотивом стало объявление на здании о том, что объект продаётся. Не исключаю, что после продажи его могут снести...

Памяти самого близкого и дорогого мне человека, Александры Васильевны Серагиной, посвящены эти воспоминания.

«КУЛЬТУРНАЯ ОЧЕРЕДЬ»

В 1960-е годы этот комплекс назывался «Банно-прачечный комбинат №7» и состоял из нескольких объектов: котельной, бани и прачечной. Моя мама и матери некоторых одноклассников и друзей детства, а также соседи по бараку работали на этом комбинате.

В середине 1960-х одну из двух труб котельной стали ремонтировать. В ходе работ её разобрали почти до середины, убрав и красавшиеся на боку цифры 1935. Из этого можно сделать вывод о примерной дате постройки и остальных зданий.

Согласно публикации в газете «Красный сормович», в 1936 году баня ещё не была достроена («готовность около 65%»). И уже как «Баня №4» точно появляется в статье от 1939 года.

Вначале о бани. Жители со всей округи, а также военнослужащие Сормовской части ходили сюда на помывку. Поскольку очагов культуры на нашей улице не было, то бана восполняла этот пробел и была своеобразным клубом по интересам.

Состояла баня из четырёх отделений: двух мужских и двух женских, с паром и без пары. Пятое, без пары, на третьем этаже, по моим воспоминаниям, состояло в резерве и работало, когда то или иное отделение закрывалось на ремонт. Помывка стоила в отделении с паром 20 копеек, а без пары – 15 копеек.

Привожу воспоминания старожилов.

Галина Рыбакова: «В эту баню я ходила с 1970 по 1990 годы. Женских было три класса: два без пары и один с паром».

Очередь по субботам (до введения пятидневки в 1967 году), а потом и по пятницам была неминуемо длинной, приходилось стоять и час, и два. Здесь, в очереди, обсуждались главные политические новости, семейные горести и радости, некоторые приносили газеты или книжки.

Нина Цветкова: «Ещё и очереди были в эту баню. В мужском отделении мало ждать надо было, а в женском часа 2 можно было ожидать, и стоя у стены. Стульев было 15-20, такие, как в кинотеатре. Это было очень тяжело...»

Анна Мухарламова: «Как же я её ненавидела! Почему-то родители, имея дома ванну, таскали меня маленькую в баню... Каждую субботу. Когда подросла, стала бунтовать. Мама нашла выход – перед баней заходить в магазин «Орлёнок». Ненадолго хватало...»

«ТЕМНО, ЖАРКО, ГРОХОТ ПАРА...»

Долгие годы пар в парилке был «сырой», он шёл прямо из системы парового отопления, и когда зядные парильщики, после пропаривания, открывали вентиль на полную мощность, то в парилке ничего не было видно на расстоянии вытянутой руки. Когда я был совсем маленьким, то именно так представлял себе ад: темно, жарко, звук веников хлеставшихся мужиков на условном полке (скамейка на возвышении вдоль стены, куда надо забираться по мокрым, скользким ступеням), грохот пара, вырывающегося из трубы

Но марку всегда держал и заходил в парилку вслед за отцом...

В семидесятые в бане поставили систему для подачи так называемого «сухого пара», что качественно улучшило процесс оздоровительных процедур...

Вячеслав Болюнов: «В 1980-е годы пар там плохой был, очень сырой. Подавали открытием крана. Помню мраморные лавки из крошки в парилке и очередь...»

Геннадий Лебедев: «В детстве жил на ул. 8 Марта. Часто ходили в эту баню, дед любил париться. Кстати, парок в ней был слабоват, больше нравился в Дарьино или на Ясной».

Нина Цветкова: «Иногда мужики забегали в женскую часть. Бабы визжали и могли веником стукнуть. Мужички говорили: «Это ремонт, кран сломался», – и торопливо смывались. Возмущение и в раздевалке продолжалось».

После парилки был особый ритуал отдыха на скамьях в предбаннике, где снова мужики обсуждали наболевшие проблемы, кто про работу, кто про рыбалку с охотой. Ну и, естественно, без крепкого словца здесь не обходилось. Поэтому нам, малолеткам, отдыхать после парной полагалось на диване, где оставляли свою бельё, подальше от откровений взрослых.

Василий Погодин: «Я с отцом в баню ходил. Помню страшную парилку, тазики из оцинковки круглые поменьше и овальные побольше. Отец всегда клеёную брал стелить на каменные столики в промывочной. Но больше всего пугали краны горячей воды.

Банщицами, в основном, работали женщины-бабушки: в их обязанности входило брать билет и накалывать его на металлическую

Строительство домов на улице Станиславского. На заднем плане Банно-прачечный комбинат №7. Лето 1967 года

шпажку, а также следить за порядком и чистотой в предбаннике и помывочной. В случае, если происходил засор в канализации от попавших туда листьев, женщины и устранили этот засор длинным железным крюком.

Больше всего запомнилась громогласная бабушка Саня, которая на всех доброжелательно покривала: «Эй, сынки, давай, сынки!» Как говорил отец, она была участницей Великой Отечественной войны, поэтому по-особому относилась к приходившим в баню солдатам».

Из комментариев в группе «Сормово.рф» в соцсети «ВКонтакте»: «Не про эту конкретно баню, но про другие замечу – банщиками были мужики, в большей степени отсидевшие. Работать им было не в привычку, а обустройство банщиком освобождало от стати за тунеядство. И должность передавалась своим по плату, как и прямиком стеклодесчи...»

СОРМОВСКИЕ БАНИ

ЧАЙ С ПОДСТАКАННИКАМИ

Перечень услуг с годами пополнялся. В предбаннике были установлены весы, где каждый мог бесплатно взвеситься. Затем появилась возможность у банщика приобрести в прокат простынь, а в кассе вместе с билетом купить берёзовый веник.

После того как помывка заканчивалась, начиналось то, ради чего в детстве и ходили мы в баню. На первом этаже был буфет, где продавали газировку с сиропом по 4 копейки, без сиропа – за копейку. Конечно, все выбирали с сиропом! Позднее на втором этаже сделали чайную, а поскольку в ту пору одноразовых чайных пакетиков не было, то чай из пачки заваривался в большом эмалированном чайнике. Для антуража на столе у буфетчицы стоял самовар, кипячёную воду в него заливали из стоявшего рядом титана. Подавали чай с кусочками рафинада в стаканах с подстаканниками. Особой удачей было, если тебе доставался чай в тонкостенном стакане, а не в гранёном. Ничего вкуснее этого чая не помню...

Бывшие прачечная и баня Банно-прачечного комбината №7. Январь 2021 года

Андрей Калашёнов: «Бывал не раз, с отцом и без. Ещё, помню, напротив пиво продавали в разлив. И квас. Будка была из пластикового шифера сине-зелёного цвета».

Евгения Чукаева: «В 1980–1990-х жили на улице Римского-Корсакова в коммуналке, по выходным ходили в эту баню, со своими тазиками. Как же я не любила

циокультурный очаг» был на улице Станиславского...

Ирина Ивкина: «Родная баня. Бабушка жила на улице Пржевальского, 4, и мы часто ходили всей семьёй и с соседями в баню, так как ванной не было в наших домах. До сих пор помню детское чувство счастья после бани – пить чай с конфетами «Красный мак» (разумеется, сормовскими). Жалко баню».

В ПРАЧЕЧНОЙ

А теперь о прачечной. В 1958 году мои родители получили комнату в бараке на улице Станиславского. Поскольку маме добираться до работы на завод «Красная Этна» было достаточно далеко, встал вопрос: «Где работать?». И мама устроилась в прачечную Банно-прачечного комбината №7 на нашей улице. В раннем детстве мне неоднократно доводилось бывать у неё на работе.

В прачечную бельё поступало, в основном, от гостиниц и железнодорожной промышленности, привозили его в больших мешках. Сдавали в стирку бельё и жители. Для этого надо было ккаж-

гладильной машины, где другая работница принимала разглаженную вещь и складывала её.

Далее шёл цех ручной гладки, где стояло несколько столов с беспроводными уголами. Клеммы у этих углов располагались на «корме», выражаясь морским языком. Для нагрева такой углов необходимости было клеммами воткнуть в гнездо, расположенное на стойке на гладильном столе. Здесь гладильщицей (так записано в трудовой книжке) и работала моя мама. Она гладила вещи, которые не подходили для машинной гладки: в основном, мужские сорочки, нижнее бельё.

Больше всего мне нравилась на рабочем месте мамы так называемая «брязгалка»: шланг с водой, подведённый к столу. Он имел ручку, при нажатии которой из насадки шланга вырывалась мельчайшая водяная пыль. Таким образом бельё перед гладкой увлажнялось.

Затем бельё снова сортировалось и упаковывалось в мешки (для организаций и учреждений) или раскладывалось по полкам на стеллажи в ожидании получения.

В ОЖИДАНИИ РОБОТОВ

В 1967 году мама сменила профессию и стала называться прессовщицей. Дело в том, что в прачечную поставили из Чехословакии чудо техники, автоматический пресс ROMO, или «ромку», как ласково окрестили его работницы, предназначенный только для гладки мужских сорочек. Состоал он из четырёх машин. Сегодня свои сорочки предпочитаю гладить именно по «ромкиному» алгоритму.

Первый пресс гладил манжеты и воротник, второй – рукава, третий (манекен) – переднюю и заднюю часть сорочки. Но самым занимательным был автомат по складыванию: на его столе нужно было расстелить сорочку, нажать кнопку, и агрегат очень аккуратно её складывал. Нужно ли говорить, что в эпоху первоначального освоения космоса, когда мы, дети, постоянно слышали о скором внедрении в наш быт роботов, весь процесс гладжения настолько завораживал, что понятия времени просто не существовало.

Справедливости ради отмечу, что довольно часто «ромка» ломалась, а пуговицы на рубашках плывались, их приходилось отпирать и пришивать новые.

Не могу сказать о том, как грузились большие партии выстиранного белья. Со второго этажа вниз на улицу наклонно шёл деревянный короб, размером примерно метр на метр. По этому коробу бельё в мешках спускали в кузов машины, подъезжавшей почти вплотную к стене. Иногда наиболее отчаянные женщины-экспедиторы, получавшие бельё, сами спускались по этому жёлобу в кузов машины, чем вызывали немалую зависть у нас, пацанов, глазевших на процесс погрузки.

Мама проработала в прачечной почти десять лет, постоянно становилась победителем социалистического соревнования, неоднократно поощрялась руководством предприятия премиями и грамотами. В августе 1966 года в составе группы передовиков производства банных комбинатов участвовала во Всероссийском совещании коммунальщиков.

Летом 1968 года мама перешла на работу швейной-мотористкой в открытый на улице Светлоярской цех швейной фабрики №19. Но это уже другая история.